

ГЛАВА 1

Когда Андрей Никифоров перешел к упражнениям с гантелями, в окнах соседнего дома вспыхнул свет. Еще во время отжиманий он услышал сытое урчание мотора, хлопки автомобильной дверцы и противный дамский щебет, вызывающий мигрень у одиноких мужчин.

«Новые хозяева явились, — поморщился Никифоров. — Баб как минимум две. Отвратительно. Лето только начинается. Они поселятся, развешат белье на веревках, будут с утра до ночи на полную катушку слушать слюнявую попсу — Шатунова или Губина — и гарцевать по саду в обтягивающих штанах. Нет в жизни счастья».

Футболка промокла насквозь, он ее снял и отбросил в сторону. Он знал, конечно, что из соседнего дома его отлично видно через большое окно, но решил ничего не предпринимать. Если им не нравится, пусть задернут занавески. Он поднял руки вверх, развел в стороны, опустил вниз. Раз-два.

Баб действительно было две. Они запалили свет на первом этаже и стали энергично двигаться по комнатам и трещать без умолку. Конечно, он их не слышал, однако следил за обеими с мрачным любопытством. Первая была высокой и статной, с пшеничного цвета копной на голове. «У одного человека не может быть столько волос, — тотчас решил Никифоров. — Наверное, на ней парик. Или это какое-то очередное бабское ухищрение». И то сказать, косметическая и парфюмерная промышленность всего мира работает на то, чтобы эти существа что-то там себе распушали и увеличивали. Никифоров решил, что блондинка деловая — из тех, что после покупки загородного дома распоряжаются рыть бассейн, стричь газоны и корчевать пни.

Вторая была еще хуже. Невысокая, рыжая, с маленькой крепкой грудью и пухлой нижней губой, которую ему удалось разглядеть даже на таком расстоянии. Его бабка говорила: «От огня сбережешься, а об рыжую девку обожжешься». Никифоров вспомнил, что он завязал со сколько-нибудь серьезными отношениями с женщинами и обжечься ему не грозит. Поэтому стал рассматривать рыжую еще откровеннее. Просто так. Может, у нее муж крутой, с мордой широкой, как те-

левизор «Тринитрон». Про блондинку он почему-то не подумал, какой там у нее муж. Руки вверх, вниз, раз-два.

Конечно, они обе его видели. И голую грудь, и ужасные обвисшие штаны.

— Первым делом нужно будет поставить забор, — заметила Люда, недовольно поглядев на Никифорова, будто он был тиной в пруду, где она решила выкупаться. — Двери как следует запири. Впрочем, в поселке вооруженная охрана, это очень приличное место.

Естественно, она не знала, что ночью в саду появится привидение. Откуда она могла знать? Дом они с мужем Максимом купили только что и завезли сюда лишь самое необходимое. Даже с соседями не познакомились.

— Устраивайся поудобнее и делай, что хочешь, — разрешила она Полине, которая пыталась пятерней причесать свои рыжие волосы.

Люда очень торопилась уехать. Она постоянно оглядывалась на свой «Фольксваген»-жук, больше похожий на женскую финтифлюшку, чем на настоящий автомобиль, и выглядела рассеянной. Как будто предчувствовала, что вскоре здесь произойдет нечто из ряда вон выходящее, а ей очень не хотелось в этом участвовать.

— Поеду, а то на самолет опоздаю. Все инструкции ты получила, а в непредвиденных обстоятельствах действуй по собственному усмотрению.

Она вскинула руку к глазам и раздраженно воскликнула:

— А, черт! Часы забыла. И мобильный оставляю тебе. Как я буду ориентироваться? Может, одолжишь мне свои?

— Возьми, — предложила Полина. — Правда, они некрасивые...

— Да ладно тебе — некрасивые! — пробормотала Люда, торопливо застегивая ремешок на запястье. — Хочешь, я тебе посимпатичнее из Болгарии привезу? В подарок?

— Что ты, Люда! — начала отнекиваться Полина. — Мне ничего не надо.

— Надо, надо! — возразила та. — Тебе еще многое надо. Мы это позже обсудим.

После ее отъезда Полина заперла дверь на ржавую щеколду, переоделась в пижаму, повалилась в постель и ровно через минуту уже спала, разметавшись поверх покрывала. За день она так устала от важных событий, что не подумала ни об ужине, ни об умывании.

Неизвестно, что ее разбудило. Тишина, казалось, давила на барабанные перепонки. Полина некоторое время смотрела в пото-

лок, соображая, где находится, потом скосила глаза вбок. Ну, конечно! Она в загородном доме у Люды. Окно открыто настежь, а в нем что-то мелькает. Что-то белое. Разглядеть как следует невозможно, потому что снаружи темно хоть глаз выколи. Если бы не луна и звезды, вообще ничего не было бы видно. Спустив босые ноги на пол, Полина села на постели и тут увидела привидение. Привидение висело посреди сада высоко в воздухе и медленно колыхалось. Оно было здоровое — размером с хороший холодильник — и не имело определенных очертаний. Вернее, оно их меняло.

Волосы у Полины встали дыбом, глаза широко раскрылись, а язык сделался таким сухим, словно его сушили специально. Неуверенно пятась, она вышла из комнаты задом наперед и скатилась по лестнице на первый этаж. Надо сказать, что поселок был выстроен самым примитивным образом: дома стояли вдоль дороги, глядя в затылок друг другу. Дверь выходила как раз туда, где прогуливалось привидение. Полина метнулась к противоположному окну и повисла на шпингалете. Тип, который не так давно занимался физкультурой, по-прежнему не спал, а сидел

в кресле под торшером, похожим на мухомор, и читал толстенную книгу.

Никифоров целиком погрузился в труд Курта Геделя о теории множеств, когда некое движение за окном привлекло его внимание. Он поднял голову, посмотрел и невольно моргнул несколько раз подряд. Из окна соседнего дома кто-то торчал и испуленно махал руками. Приглядевшись, Андрей сообразил, что это та самая рыжая девица, которую он заметил накануне. Интересно, что она делает? Воображает себя полярницей, над которой кружит вертолет, чтобы сбросить на льдину мешок с сухарями и тушенкой? Или, может, она вообще — того? Если бы она кричала, то Никифоров непременно решил бы — случилось что-то ужасное. Однако девица махала руками молча. Ему и в голову не могло прийти, что у нее просто-напросто отнялся язык.

«Боже мой! — пронеслось тем временем в голове у Полины. — Он видит меня, но не идет! Даже не собирается оторвать свою задницу от кресла!». В этот момент наверху, в комнате, где она спала, что-то громыхнуло. Неужели привидение залетело в дом?! Сейчас оно спустится на первый этаж и вцепится ей в горло! Вместо крови по венам Полины пом-

чался жидкий ужас. Комок в горле растаял, она разинула рот и завизжала так, что у вооруженной охраны должны были сами собой передернуться затворы и взвестись курки.

Никифоров в изумлении глядел, как некая невидимая сила выбросила девуцу из окна и швырнула вперед. Луна нынешней ночью светила вполнакала. Она, словно отважный пловец, то ныряла в тучи, то снова появлялась на поверхности, чтобы глотнуть воздуха. Девуца была босиком и в какой-то жуткой широченной пижаме, которая, впрочем, не мешала ей нестись со сверхсветовой скоростью. Она бежала, раскинув руки, точно собиралась в едином порыве обнять весь мир, и вопила при этом, как оглашенная. Никифоров понял, что, если дамочку не остановить, она впечатается в дверь и ее размажет по ней, точно мошку о лобовое стекло автомобиля.

Он выпрыгнул из кресла и метнулся на улицу. Девуца миновала дистрофичные яблоны и, споткнувшись о поливочный шланг, пропахала носом единственную никифоровскую грядку с укропом. Тут же вскочила, словно подброшенная пружиной, покрутилась на месте и, изменив направление, нацелилась вломиться в малиновые кусты.

— Тю-тю-тю! — закричал Никифоров, отрезая ей путь. — Куда?!

Словно ракета, потерявшая управление, девица врезалась в него и свалила на землю. Оказавшись на нем, она тотчас перестала орать и только открывала и закрывала перекошенный рот.

— Мне везет, — сердито сказал Никифоров, пытаясь оторвать ее от себя.

Девица не отделялась. Свет из окна падал на траву, в которую они грохнулись, и свою новую соседку он видел отлично. У нее был прямой короткий нос, на который, словно воду с руки, стряхнули веснушки, огромные дикие глаза и пухлые — в самом деле! — губки, искаженные ужасом.

— Что? Что случилось? — недовольно прокряхтел он, попытавшись приподняться вместе с ней.

Мерзавка тотчас воспользовалась моментом и обхватила его руками и ногами, словно перепуганное дитя, после чего трогательно уткнулась носом ему в шею и засопела. В этот момент рядом с ними материализовались два здоровенных мужика в камуфляже. Один из них фыркнул, а второй сказал:

— Андрей Андреич, ваша дама так орет,

что у народа кровь стынет в жилах. Лучше бы вы пошли в спальню.

— Ладно, — произнес Никифоров, по достоинству оценив их постельный юмор. — Можете быть свободны. Идите, идите себе.

Похохатывая, охранники ретировались, а Никифорову, наконец, удалось вырваться из объятий новой соседки. Он затащил ее в дом, включил верхний свет и развернул лицом к себе. На ней была совершенно нечеловеческая пижама. В том смысле, что на людей такие не шьют, не должны шить. Из страшного набивного ситчика времен СССР, с рукавами неодинаковой длины и топорно обработанными швами.

— Где брали вещь? — спросил он, не удержавшись, и пощупал материал.

Девушка икнула и показала пальцем на дом, из окна которого только что стартовала.

— Прив... Прив... — выдавила из себя она, вращая глазами. Глаза оказались темно-зелеными, цвета старого подорожника.

— Привет, привет! — холодно отозвался Никифоров. Он и вообще-то возражал против знакомства, а уж против знакомства, связанного подобным образом, и подавно. — Так что? Какого черта вы приперлись в четвертом часу ночи?

— Привидение! — выпалила Полина и без спросу повалилась на козетку, которую бывшая жена Никифорова проглядела при разделе имущества. — Там, в саду, летает привидение!

— Дикое, но симпатичное? — насмешливо спросил он.

— Что?

— Оно, конечно, вздыхало и стонало?

— Н-нет, — покачала рыжей головой его новая знакомая.

— Как говорил Карлсон, грош цена тому привидению, которое не умеет как следует вздыхать и стонать. Что же в таком случае оно делало?

— Висело в воздухе, — немедленно ответила Полина. — И колыхалось.

Блестящий ум Никифорова, отточенный высшей математикой, тотчас выдал приемлемую версию: девица специально устроила представление, чтобы сойтись с ним поближе. Она видела его в окне, когда он упражнялся с гантелями, и потеряла голову.

— Меня зовут Андрей Андреевич. А вас? — поинтересовался он и вытянул губы трубочкой, как делал всегда, когда решал трудную задачу.

У него было скуластое лицо с мощным

лбом и куцей челкой, похожей на примятую траву, вылезшую из-под снега. И колючие умные глаза, оттененные короткими ресницами.

— Полина, — покорно ответила девица, тербя пуговицу на своей марсианской пижаме.

— Где вы ее взяли, эту пижаму? — спросил Никифоров, упорно не желая возвращаться к привидению.

— У нас у всех такие.

— Где это — «у нас»?

— В доме престарелых.

Никифоров отказывался верить, что девица все-таки — того, поэтому уточнил:

— Вы что же, прямо смолоду туда вселились? Забили, так сказать, место?

— Да нет, — встрепенулась она. — Я там работаю. То есть работала. То есть... Я, конечно, куплю себе другую пижаму, когда накоплю денег.

Естественно, она была не в себе, иначе никогда не лягнула бы ничего подобного. Никифоров хотел заметить, что в процессе накопления денег лучше спать вообще без пижамы, но решил, что девица может истолковать эти слова по-своему, и хмыкнул.

— Я проснулась, посмотрела в окно, а

там... Там... — Она задохнулась, не в силах вымолвить самое ужасное.

— Привидение, — помог ей Никифоров. — Висит и молча колыхается.

Полина заподозрила, что он издевается, и, сдвинув брови, сердито сказала:

— Вместо того, чтобы хохмить, сходили бы и посмотрели сами.

— Я?! — искренне изумился Никифоров. — Зачем это я пойду?

— А вы что, не мужчина?

Вероятно, у нее были дремучие убеждения, что мужчина — рыцарь, защитник и все такое.

— Я мужчина, но не в том смысле, какой *вы* вкладываете в это слово.

— То есть не пойдете?

— Нет.

— Тогда я останусь здесь, — твердо сказала рыжая девица и взялась двумя руками за ручки козетки.

Никифоров заложил руки за спину, как он делал это, когда читал лекции. Он чувствовал, что его снова втягивают в отношения, и соображал, как этому помешать.

— Ладно, — сообщил он наконец. — Я провожу вас до дому и погляжу, что там. Но после этого вы от меня отстанете, о'кей?

Обещайте, что не явитесь утром с букетиком маргариток и большой человеческой благодарностью за помощь. Если у вас кончится сахар, не постучите в дверь с пустой чашкой и заискивающей улыбочкой на лице. Когда у вас перегорит лампочка, вы вызовете электрика, а не меня. Я доступно излагаю?

— Привидение, — вместо ответа коротко напомнила Полина. — Вы можете пропустить самое интересное.

Никифоров молча повернулся, достал из ящика стола мощный фонарь и первым вышел из дому.

— Где конкретно вы его видели? — спросил он, легко перепрыгивая через незначительные препятствия. — С другой стороны дома?

— Да-да, в том саду, что отделяет наш участок от следующего.

— Там высокие деревья, — заметил Никифоров. — Сосны в том числе. Может быть, на ветке сидела большая птица?

— Оно было гораздо больше, чем птица, — не согласилась Полина.

— Насколько больше?

— Оно такое, как вы. Только намного толще.

— Отлично! — саркастически пробормо-

тал Никифоров. — Метр девяносто рост и килограммов сто двадцать вес. Если оно на меня навалится, вряд ли я выйду победителем из схватки.

Они обогнули дом и вышли в сад, разделенный низким забором на две равные части. Никифоров включил фонарь и поводит лучом туда-сюда.

— Привидение находилось на вашей половине сада?

— Не знаю, — шепотом ответила Полина. — Оно летало по воздуху.

— Ну, как бы то ни было, теперь его тут нет, и я иду спать. Если вы не возражаете.

Полина возражала.

— А если оно залетело ко мне в спальню? — вскрикнула она и схватила его цепкими пальцами за рукав футболки.

Никифоров поглядел на нее с подозрением. Не хочет ли она затащить его в постель прямо сейчас? Сначала скажет — зайдите вы первый, потом — обнимите меня, мне страшно, после — полежите рядышком...

— Когда я побежала за помощью, наверху что-то упало!

— Побежала за помощью, — пробормотал Никифоров. — Вот оно что. А куда делась ваша подруга?

— Кузина, — поправила Полина, выбивая зубами «Ча-ча-ча». — Люда. Это ее дом, ее и мужа.

— Вашего? — тотчас спросил Никифоров.

— Почему моего? — нахмурилась Полина. — Как вы себе это представляете? Мой муж и моя кузина вместе купили дом?

— Мало ли! — пожал тот плечами, досадуя, что вопрос сорвался у него с языка.

— У меня нет мужа, — добавила Полина.

— Я почему-то так и подумал, — соврал Никифоров.

Сначала-то он был уверен, что у нее обязательно должен быть муж. Впрочем, она ведь говорила что-то по поводу того, что копит деньги на пижаму. Одно другому явно противоречит. Даже самый задрипанный муж способен купить жене что-нибудь более достойное, чем приютский гарнитур.

На самом деле Полина была одинокой и бедной, словно церковная мышь. Последние пять лет она работала в подмосковном доме престарелых «девушкой на все руки» и одновременно училась на заочном отделении педагогического института. Она исступленно мечтала о том времени, когда получит диплом и будет вести уроки в школе, и получать

свою маленькую, но очень престижную — учительскую! — зарплату.

Недавно ни с того ни с сего ей позвонила тетя Муся, о самом существовании которой Полина успела забыть. Муся была не родная тетя, а троюродная или даже четвероюродная, и, с тех пор как похоронили маму, не давала о себе знать. Она сообщила, что умер один из Полининых прадедушек, что на его похороны съедутся все родственники, и она тоже должна явиться. Тетя так и сказала: «должна явиться», как будто Полина была новобранцем и ее вызывают принимать присягу. Полина в глаза не видела ни одного своего родственника. Раздираемая любопытством, она отправилась проводить в последний путь прадедушку и там же, на похоронах, встретилась со своей кузиной Людой Анохиной, с которой не виделась с детства. Люда и ее муж Максим, оба врачи, работали в большой подмосковной клинике.

— Хочешь, я устрою тебя к нам в регистратуру? — предложила кузина. — Деньги, правда, не ахти, зато работа не пыльная. Это не то что со стариками возиться.

— Но мне ездить далеко! — возразила Полина.

— Поживешь у нас. А что? Мы недавно

дом купили неподалеку от клиники. Надоело мотаться из Москвы туда-сюда. Макс грозит-ся все перестроить, но когда еще начнет!

Так Полина, совершенно неожиданно для себя, оказалась одна в только что купленном доме. Через две недели она должна была приступить к работе на новом месте. Пока же Максим уехал на научную конференцию в Париж, а Люда бросила все и отправилась отдыхать, оставив Полину «на хозяйстве». Полина осталась с восторгом, с удовольствием! Это была новая жизнь, которая открывала перед ней невиданные доселе горизонты. И кто мог предположить, что в первую же ночь случится невероятное и в саду появится привидение?

— Если хотите, оставайтесь внизу, — предложил Никифоров, поднимаясь по лестнице и топя при этом, как бегемот.

— Нет, я с вами! Вдруг оно спустилось вниз и сидит где-нибудь?

— Где оно может сидеть? В кресле у камина?

Полина молча побежала за ним наверх. В ее комнате, кроме спального места и зеркала на стене, ничего не было. Никифоров включил свет, встал на четвереньки, заглянул под кровать, тотчас поднялся и сообщил:

— Его нет.

— Может быть, оно в ванной? — предположила Полина.

— Вы уверены, что вам не приснилось?

— По-вашему, я дура?

Никифоров на этот провокационный вопрос решил не отвечать.

— Иногда людям снятся такие яркие сны, что они принимают их за явь.

— Только не я, — твердо сказала Полина. — Я по двадцать пять раз за ночь встаю к старикам. И уж как-нибудь могу отличить сон от яви.

«Какова штучка! — подумал Никифоров. — Только что вопила на всю деревню, а теперь вон как заговорила! Не-е-ет, пора сматываться». Для очистки совести он обошел заодно первый этаж и убрался восвояси, хотя по лицу рыжей нахалки видел, что она судорожно изобретает способы оставить его при себе. Однако фантазии ей не хватило, и Никифоров удалился, насвистывая и помахивая фонарем.

Остаток ночи Полина бодрствовала. Она включила повсюду свет и принялась приводить дом в порядок, распевая во все горло песни и поминутно выглядывая в окна. Только утром, когда рассвело, она провалилась в

сон и проспала до полудня. Есть хотелось так, что она готова была проглотить подошву. «В таком большом поселке наверняка должен быть магазин», — решила она, взяла сумку и отправилась на улицу. Вчера они с Людой как-то не продумали вопрос питания, но Полина решила, что справится с этим сама.

В саду соседнего дома, не Никифоровского, а того, над которым ночью пролетало привидение, копошился мужчина лет шестидесяти в панаме. У него были командирские усы с лихо загнутыми вверх кончиками и маленькие хитрые глазки.

— Здравсь-сьте! — сказала Полина и ногой захлопнула за собой дверь.

— Здравсьте, здравсьте! — громко поздоровался тот и, распрямив спину, посмотрел на нее, приложив ладонь козырьком ко лбу. — Вселились, значит?

— Вселились, — поддакнула Полина. — А магазин тут у вас далеко?

— Минут за двадцать доберетесь.

За двадцать, так за двадцать — решила она и вышла на дорогу. Оглянулась и увидела, что усатый снова занялся своей клумбой. Никифорова на улице не было, хотя Полина изо всех сил косила глазом в сторону его участка. Она двинулась вперед, но преодолела не

слишком большое расстояние, когда заметила человека, который шел ей навстречу с вязанкой хвороста на плече. Чем ближе он подходил, тем медленнее шла Полина. Это был тот самый тип, с которым она только что познакомилась. В панаме, с командирскими усами и все такое.

— Здрась-сьте! — сглотнув, сказала Полина, когда сосед поравнялся с ней.

— Здрасьте, здрастьте! — бодро ответил тот во второй раз и широко улыбнулся.

Она глупо моргнула, развернулась и провожала его глазами до тех пор, пока он не вошел в калитку своего дома. Потом бросилась назад и принялась ломиться к Никифорову.

Тот не сразу открыл дверь, а когда открыл, оказалось, что он еще толком не проснулся.

— Что? Кто? — бормотал он, щурясь от яркого света. Потом узнал Полину и немедленно разъярился. — Я ведь запретил вам являться!

— Послушайте! — у нее был такой радостно-удивленный вид, как будто она, наконец, поняла, что такое пропозициональная формула. — Привидение живет в соседнем доме! Я только что с ним разговаривала!

— Отлично! — сказал Никифоров. — Я рад,

что вы подружились. Теперь я могу жить спокойно?

— То есть вам все равно? — не поверила она.

— Вы всю ночь не давали мне спать. Будьте же милосердны! Идите, куда вы там собирались!

— В магазин, — уточнила Полина. — Я умираю с голоду. Привидение сообщило, что до магазина двадцать минут. — Никифоров молчал. — Ну, я пошла.

— Двадцать минут на машине, — сказал он ей в спину. — У вас, конечно, есть машина?

Она остановилась и обернулась. На лице у нее сияла все та же малахольная улыбка.

— Машины нет. Да я пешочком пройдуся.

Никифоров захлопнул за ней дверь и повалился обратно в кровать. Закрыв глаза, полежал немного, потом вздохнул, снова поднялся и посмотрел в окно. Дурочка уходила по дороге в неизвестном направлении. На градуснике, прилаженном снаружи к раме, ртутный столбик дополз уже до 28 градусов. Солнце жарило так, словно ему обещали за это двойную плату. У дурочки ничего не было на голове — ни шляпки, ни панамки, ни платочка. Она пошла прямо так — в шортах и

футболке, застиранной до бурого цвета. Вероятно, такого цвета была нить, когда ее только спряли.

Никифоров фыркнул и снова лег. Сладкая истома, которая обычно нежила его тело при пробуждении, решила сегодня больше не возвращаться. И сна не было ни в одном глазу, хотя пять минут назад казалось, что встать с постели ни за что не получится. «Вот зараза рыжая! — в сердцах подумал Никифоров. — И ведь я специально предупреждал. Нет! Ничего на них не действует, на этих баб».

Он принял душ, побрился и отправился завтракать. Открыл холодильник, достал оттуда копченую колбасу, ветчину, сыр, масло... Кусок не лез в горло. Никифоров отчетливо представлял, как рыжая дура, голодная, тащится по солнцу за хлебом. Она обгорит, словно головешка, или свалится в обморок где-нибудь посреди кукурузного поля. Злясь на себя, Никифоров выхлебал кружку черного кофе, натянул джинсы и вывел машину из гаража.

Полина ушла уже довольно далеко и выглядела так, словно только что вылезла из парилки. Кожа стала красной, и веснушки весело поджаривались на носу. Заслышав шум мотора, она отступила на обочину и теперь